

Горошины.

Моим предкам посвящается.

Глава 1.

Нежданные гости.

Кукла злобно лаяла. Она хрипела и рвалась, пытаясь предупредить хозяйку о не прошеных гостях. Анна Степановна привыкла вставать еще до первых лучей солнца, резко открыла глаза, и ничего не могла понять. В доме было темно. Рядом на кровати безмятежно посапывал полуторогодовалый Павлуша, все еще никак не оторванный от материнной груди и только сладко причмокивал губами. Анна Степановна метнулась к окну, но там ничего не было видно. Мало того, что еще была глубокая ночь, да еще опустившийся с морозного вечера туман, все погрузил в непроглядное молоко. В голове быстро пробежала мысль, что может быть вернулся ее Василий Иванович, родной и горячо любимый муж, о судьбе которого она ничего не знала уже более восьми месяцев. Но тогда бы Кукла, собака, безумно любившая и преданная своему хозяину, не лаяла так злобно, а заливалась бы радостным лаем, которым она всегда извещала домочадцев, когда муж возвращался с полей или мельницы. Может он вернулся не один, подумала Анна Степановна, а вновь приехали с ним те люди, которые так грубо ворвались ночью, а теперь привезли назад с извинениями, что, мол, взяли по ошибке. Тогда, не давая опомниться, они зачитали какую-то бумагу, смысл которой Анна так и не поняла, но почуяв в этом какую-то угрозу, сразу завывала в голос. Свекор, Иван Захарович, крепкий еще старик, тут же зашумел на нее, мол, не кричи, раньше времени. Однако, испуганные глаза мужа, убедили ее в правильности предчувствия беды.

Накануне вечером, когда они после бани, покрасневшиеся, сидели за столом со стариками около большого медного самовара, в разговорах проскочила нотка тревоги, которая не давала покоя, а поговорить с Василием с глазу на глаз, не представилось возможности. Иван Захарович и Прасковья Васильевна, родители мужа, жили с ними вместе, а может и наоборот, это они, не захотели после свадьбы отделяться от отцовского хозяйства, как это сделали старшие братья, а остались со стариками, чтобы помогать им, вместе с младшим братом Ильей, вести хозяйство. Детей накупали и уложили спать. Правда старшая Маша, не спала, а прилегла рядом с младшеньким Павликом, которому месяц назад исполнился год, и тот по своему обычаю, поискав материну грудь и не найдя ее, стал теревить волосы Маши, наматывая их на свой палец. Средняя Галинка, уложенная на печку тоже не спала, она ждала Машу, когда та, усыпив брата, придет к ней на печь, и она тайком расскажет ей новость, что дед Иван обещал привезти ей с «ялманки» большой леденец.

И только Глеб, которому скоро должно было исполниться три года, безмятежно посапывал рядышком на печке.

Большое семейство сидело за столом, покрытым домотканой выбеленной скатертью. Во главу стола, под иконами, на широком, добротном стуле сидел Иван Захарович Игнатов, седовласый, с большой белой кудрявой бородой, крепкий еще старик. Дальше, на большой длинной лавке вдоль окон сидели братья Василий и Илья. Мать семейства Прасковья Васильевна, статная дородная женщина преклонных лет, сидела как раз напротив мужа на таком же как у него стуле, а невестки – Анна Степановна и Анна Тимофеевна сидели напротив своих мужей на двух, приставных лавках, которые за ненадобностью днем отставлялись к окнам, и на которых очень уж любили сидеть ребятишки, выглядывая в окна.

Пили чай с медом и постными «постряпушками» (недавно начался великий пост) и тихо, шепотком разговаривали о проходивших вокруг их затерянной в лесу заимки, событиях. Василий Иванович рассказывал, что когда к ним на днях приезжал на мельницу с дубровского высела со странным названием «Демьян Бедный» знакомый Иван Яковлевич Филиппов, то пока мельничные жернова перемалывали черемуху, тот рассказывал странные и в тоже время страшные вести. Почти в каждом селе уже были созданы колхозы, а тех, кто не захотел в него вступать и отдать в него все свое хозяйство, забирали. Забирали крепких мужиков, рачительных хозяев и куда-то увозили. Что с ними случилось, никто не знал, но семьи их, оставленные в неведении, никто пока не трогал, но шли разговоры, что это ненадолго, и скоро с ними тоже что-то будут делать. Перебирая фамилии схваченных по линии НКВД мужиков (что значит это мудреное слово НКВД, никто толком не знал), и они никак не могли взять в толк, за что можно было забрать, а главное куда, тех, которые работали до изнеможения, чтобы их хозяйства были крепкими. Работники, которых они нанимали, работали вместе с хозяевами и никуда от них уходить не собирались, так как были довольны тем, что обращались с ними хорошо, в конце сезона платили хорошие деньги. Многие работники и семьи свои перевозили в эти деревни или заимки, строили дома и продолжали жить рядом, расширяя тем самым границы заимок. А работы хватало всем.

Вот и у них самих, на обоснованной когда-то, чуть более пятидесяти лет назад их предком дедом Захаром Игнатьевичем заимке, которую так и прозвали - Захаровская или Игнатовская заимка, кроме самого семейства захаровских потомков, жили Сомовы, Плиткины и другие. Хозяйство было большое. Холодная, но особенно по весне быстрая речка Берла крутила мельничные жернова. И хоть по этой вроде бы и не большой речушке стояло около десятка других мельниц, но их мельница никогда не пустовала. Мололи и рожь, и пшеницу, которую сами сеяли на своих полях, да и с соседних поселений приезжали желающие смолоть мелкого помола муки мужики. Просто мельничные жернова, которые еще предок Захар устанавливал на мельнице, были большие и тяжелые, от чего мука получалась мелкого и мягкого помола, и особо из нее удавалась стряпня. Вся

округа свозила на их мельницу молоть сушеную черемуху. Мелко размолотая, залитая потом горячим молоком, набухшая, она была любимым лакомством детворы. А уж напеченные на пасху, да на рождество пироги с черемухой, были не у одной хозяйки любимым угощением.

Кроме мельницы держали табун лошадей. Пятьдесят гектаров земли, надо было обрабатывать. Работай только, не ленись, и будет у тебя на столе и картошка, которой тоже засаживали большие площади, уж очень всем полюбился этот овощ, и хлебушек. Из овса, которым засаживали почти треть посевных угодий, кроме корма лошадям, любимым лакомством был овсяный кисель. Набожная баба Паша, как ее звали внуки, каждый понедельник с вечера затаскивала домой меру давленого овса, заливала его теплой водой из чугунок, всегда стоявшего на большой русской печи, на загнетке. Накрывала белой тряпицей, крестила, и что-то нашептывая над уже накрытым чугуном, ставила его на лавку, около печи и строго настрого грозила пальцем ребятишкам, во все глаза, наблюдающие на ней. Что потом это будет вкуснейший кисель, детвора знала. Они любили за это утро среды. Потому что, проснувшись, они знали, что на столе стоит, остывает сваренный из забродившей водицы вкуснейший кисель. Баба Паша клала в него для сладости ребятишкам ложку меда, а взрослые не любили его сладким, и поэтому ели его заправленным конопляным маслом, которое тоже было выжато из своей, выращенной конопли. Поля с коноплей были самыми дальними от заимки, а за ними уже располагались сенокосные угодья...

За окном кто сильно долбил в ворота. Сделанные на совесть, из добротных сосновых плах, посаженные на кованые гвозди и шарниры ворота, не поддавались натиску. Кукла лаяла истошно, временами переходя на хрип. Анна Степановна накинула на голову шаль, и никак не могла впопыхах попасть в рукав полушубка, возилась у двери, когда свекор, спавший на печи, плохо передвигавшийся после перенесенного горя, застонал. После того как забрали сыновей Василия и Илью, супруга Ивана Захаровича, Прасковья Васильевна, проплакала три дня, потом уснула, а на утро так и не проснулась. Очень уж она любила своего третьего сына Васеньку, которого и назвала то так в честь своего отца, белокурого красавца Василия Можина из Дубровки, откуда ее сосватал синеглазый, работающий, но уже овдовевший молодой мужик с недавно обоснованной недалеко от родной Дубровки, заимки. Ей как-то сразу запомнились его глаза, синие пресиние и такие печальные. Да и было от чего, его первая жена Агафья Егоровна умерла при родах, оставив ему сына Дмитрия. Родители видимо подумали, что лучшей доли для их Прасковьюшки и не надо, так как хозяйство жениха, ведомое вместе с отцом, было завидное. Видно с умом хозяйствовали, раз за такой короткий срок, со дня основания, сумели, и пахотные земли поднять и пасеку развести и дом на зависть возвести. А что дитя... так зная ласковый нрав Прасковьи, ее набожность и ласковое обращение с младшими братьями и сестрами, так это только на руку ей. За хлопотами да заботами о младенце и родительском доме будет меньше тосковать, подумали они.

Так все и вышло. Маленькому Дмитрию исполнилось 2 года, когда у них родился их совместный первенец – Яков. Хватало у Прасковьи ласки на двоих сорванцов, подрастающих на радость родителям. Да еще помогала их воспитывать бабушка Александра, овдовевшая вскоре после того как ее муж Захар Наумович, основатель заимки, сумел сосватать для своего старшего сына Ивана, оставшегося с дитем на руках, новую жену, пришедшуюся по сердцу обоим старикам, Прасковью Можину. Два других их сына Петр и Георгий жили с ними вместе. Подрастающий Петр был уже хорошим помощником старшему брату Ивану, ему шел уже двадцать второй год, тогда как младшему Георгию исполнилось только девять лет, когда вдруг в одночасье рухнул Захар Наумович около своего любимого жеребца, разгрузив последние мешки с зерном в амбар. Только что и успел то сказать своему коню: - Эх, Серко, славно мы с тобой потрудились ноне. Упал и умер.

После смерти отца, Захара Наумовича, Петр еще пять лет жил вместе с матерью, бабушкой Александрой, помогая во всем старшему брату Ивану достроить новый, большой дом, еще начатый отцом. Мечтал Захар Наумович, чтобы все его сыновья, женившись, остались с ним под одной крышей, большой дружной семьей, большим хозяйством. Каждой будущей семье задумал он по большой отдельной комнате, большой горнице, где могли бы все вместе сидеть за большим столом, одних окон он поставил только двенадцать.

В ворота чем-то долбили... чем –то тяжелым и большим. Громкие голоса, треск, лай, все это заставило трепетать где-то в горле и без того ноющее сердце. Казалось еще секунда, и оно возьмет и выскочит, как малая птица птаха из рук, когда ее поймаешь и уже думаешь, ну все она твоя, ан нет, только чуть ослабил ладони, и выскочила птаха и упорхнула на свободу. Анна Степановна трясуцимися от предчувствия беды, руками никак не могла отодвинуть в сторону толстую жердину, которой запирали большие ворота, а на ночь задвигали так, чтобы запереть и малые.

- Сейчас, сейчас, - все повторяла она, пытаясь отодвинуть в сторону жердь. В голове в это время проносились мысли одна за другой: «А вдруг это разбойники? Мало ли по лесам шастает бродячего люду? Что же ни один деверь не придет ей на помощь, ведь слышат же они истошный лай Куклы? Эх, и нанятые на этот год работники, были уже рассчитаны и разъехались по домам, а те, которые живут здесь на заимке, то же не спешат...» Так думала тридцатипятилетняя женщина, мать четверых детей, в одночасье оставшаяся одна, как один единешенек болтается последний лист на березе. Ветром его трепет, дождь и снег на него валит, а он непонятно благодаря какой силе, все держится на ветке, и не опадает.

- А ну, отворяй! – громко прокричал хриловатый, но показавшийся знакомым, голос в тот самый момент, когда Анна Степановна все же отодвинув в сторону жердь, и поправив растрепанные волосы, открыла калитку.

Глава 2.

Переселенцы.

Колесо пело свою дорожную песню. Подскакивая на бугорке, на секунду зависая в воздухе, оно радостно опускалось на землю, издавая веселый визгливый звук «скри-и-и-их». В те же минуты, когда дорога вдруг становилась на короткое время ровной и мягкой, колесо начинало петь спокойную мелодию, как бы стараясь усыпить сидевшего на телеге Матюшку. Но ему не спалось. В свои девять лет он первый раз отправился так далеко и мысли в его голове, рисовали разные картины, того, что ему предстоит увидеть за эту дальнюю дорогу. Он весело болтал ногами, смотрел на бегущие вместе с ними облака, и, рисуя в своем воображении картины, все пытался расспросить отца о дороге. Но отец, идущий позади телеги и о чем-то тихо переговаривающийся с матерью, не отвечал на его расспросы. Мать наконец-то перестала плакать и теперь шла спокойно, крепко прижимая к груди самого младшего брата Матюшки, который родился всего три дня назад. Он помнил, как все ждали, когда же мамка наконец-то разрешится, и тогда можно будет ехать. Тятка весь извелся, все ждал и переживал. У них было уже три сына, но очень уж нужен был еще один сын, чтобы можно было потом, на новом месте получить больше земли. И когда мамка выгнала их всех из избы, а сама осталась с бабкой Феклой, которая и Матюшке помогала появиться на свет, все поняли, значит скоро. Мечта Наума Игнатьевича сбылась. Прасковья Федоровна, супруга разрешилась благополучно четвертым сыном, которого окрестили на второй день в местной церкви Рождества Богородицы Елисеем и внесли в подорожные списки.

Дорога... Матюшка задумался и вспомнил, как тронулись от дома. Медленно мелькали родные деревенские домишки, то там, то тут стояли односельчане и долго смотрели им вслед. Никто не знает наперед, что ждет их, решившихся на такой тяжелый и далекий переезд. Не каждый на него отважится, не у каждого есть на это деньги, и деньги не малые. Что гонит из насиженных мест людей, как птиц перелетных? Воля ли, поиски лучшей доли или может, манит неизвестность далекого богатого края, где всего вдоволь и земли, и рыбы, и зверя? А может просто есть такие люди, которые живут на одном месте, и все у них вроде хорошо, да ладно, а глядишь, срываются с насиженного места и вновь идут испытывать судьбу, чтобы успеть еще что-то новое сделать. Вечные ходоки - ходики, так можно их назвать, и не, потому что они лодыри или неудачники, просто течет у них в жилах кровь, которая не дает покоя, заставляя познавать новое, достигать новых результатов и вершин, а достигнув... вновь искать что-то еще.

Матюшка слушал дорожную песню колес, вспомнил, как помахал на прощанье деревенским ребятишкам, проводивших переселенцев до поскотины. Копируя мать, он так же она, незаметно от братьев Захарки и

Игнатки, набрал целую горсть земли и зажал ее в кулаке. Родители еще раз повернулись, поклонились в пояс рязанской стороне и, успокаивая заплакавшего вдруг Елисейку, пошли за телегой. Отец, подбадривая всех громко сказал: - Эх, и заживем же мы с вами! Только работай, не ленись! Все у нас будет хорошо, верьте мне сынки! Вырастите, приедете сюда, всей деревне гостинцев привезете.

И сыновья, подбодренные словами отца, весело зашагали. Матвейка завидовал шестнадцатилетнему Захару, который вел под узцы серую в яблоки орловскую кобылицу Ветку. Ему как самому старшему уже многое разрешали и доверяли делать. Не зря же отец взял Захара с собой, когда, после того как вернулся из дальней дороги, куда отправился он с несколькими односельчанами на разведывание нового места жительства, поехал в родное село Никольское Орловской губернии просить отцовского благословения на переезд. Матюха помнил, как плакал и просился с ними, но отец строго сказал, что мал пока, и хватит с него предстоящего долгого переезда, чтобы оставался пока дома с матерью и копил силы.

Средний брат Игнатка, названный как раз в честь деда к которому они собирались ехать, даже и не просился. Он понимал, что теперь он в доме остается за старшего, и уж теперь то он себя покажет, докажет всем, что в свои одиннадцать лет, уже многое знает и умеет, и что мамку смело можно оставлять с ним. Игнатий старался во всем походить на старшего брата, даже втайне от него пытался копировать походку Захара, и ворчать на корову, когда та вываливала сено из кормушки: - Ну чего удумала, Пеструха? Вот я тебе задам! – говорил он, и махал кулаком. Корова Пеструха смотрела на него удивленно и вместо того, чтобы испугаться грозного вида Игнашки, ни с того, ни с сего вдруг вытягивала изо рта свой длинный шершавый язык и стараласьлизнуть своего грозного хозяина прямо в лицо. Игнат опять ворчал, вытирал рукавом рубахи свое лицо, пытался отмахнуться от Пеструхи, но та, увлеченно старалась вылизать основательно своего ворчуна, принимая его видимо, за своего бычка.

Целый год не было отца. Ранней весной 1838 года, за три недели до пасхи, Наум Игнатов и односельчанин Аникей Фадеев ушли в далекую Сибирь. Мамка все ждала, что может они, заботятся, и к пасхе вернуться, но прошло Благовещение, следом за ним на следующий день Вербное воскресенье, Пасха, Троица, петровки, успенский пост, а мужики все не возвращались. Когда ребятня укладывалась спать на печке, Прасковья Федоровна переделав все свои дела, опускалась перед образами, чтобы выпросить скорейшего возвращения мужа. Примечавший все Матвейка видел, как Захар тихо спускался с печи, становился рядом на колени, и тихо, про себя обращался к святителю Николаю. Своим еще детским чутьем, он, почему-то выбрав из большого количества икон, именно эту, большую писаную на дереве икону Николая Чудотворца, молил об отце.

Да... судьбы людские...не мог тогда и представить себе тринадцатилетний мальчишка, что тот святой, к которому он обращался в своих детских еще молитвах, не раз будет играть значительную роль в их роду...

Мать тихо шептала молитвы и плакала. Захар, вставал, подходил к ней, и ласково глядя по голове говорил:- Не плачь, мам, тятка у нас везучий, вот увидишь, он скоро вернется.

А отец все не возвращался. Уже скосили и заскирдовали сено для Пеструхи и жеребца Гнедого, убрали рожь. Игнатка с Матвейкой натаскали грибов на засолку, и мать, ошпарив кипятком бочки, засолила их. Вытопили и просушили погреб. Засыпали зерно в амбар, а от отца не было никакой весточки.

За заготовкой дров не заметили, как наступила зима. Она в этом году нагрнула как-то рано и, засыпав дома, поля, дороги, принялась хозяйничать. Морозы сковали большое озеро и речку Панику. Оставалась не замершей только большая полынья около мостков, где бабы обычно полоскали белье.

В тот день мать, накормив обедом ребятню, собралась идти на прорубь полоскать белье. Захар сказал, что пойдет во двор, натаскает сена скотине, а младшим наказали строго настрого сидеть дома. Прасковья, уложив белье в ведра, и подцепив их на коромысло, ушла на прорубь. Захар же вычистив в стайках, и натаскав сена скотине услышал, что в доме кто-то сильно кричал. Подумав, что пока он управлялся, вернулся отец, а он его не заметил, побежал скорей в дом. Рванув в сенях дверь, он не отряхнув даже снега, заскочил в горницу. Два брата вцепив свои руки друг в друга, истошно кричали. Из-за чего произошла драка, они так и не сознались Захарке, но получив увесистые подзатыльники и разведенные в разные стороны, стояли, насупив брови. Захар принялся их отчитывать, как вдруг в дверях кто-то торопливо застучал и, отворив дверь, вбежала соседская девчонка Фимка и закричала с порога: - Ваша мамка тонет!

Глава 3.

Благословление.

Где-то прямо над головой громко куковала кукушка. Сквозь сон Наум ее услышал, но не прошедшая дремота отправила его в родное село Никольское Орловской губернии. Ему представилось, что он босоногий мальчишка бежит по пыльной дороге, а ему на встречу идет отец. Пыль, поднимаемая им, обволакивала все вокруг, и фигура отца становилась, плохо видна, а Наум старался бежать еще быстрее, но вдруг заметил, что чем быстрее он бежит, тем хуже он видит отца. И тогда в его детской голове проскочила мысль, а что если, попробовать бежать медленнее.... И он стал, высоко поднимая ноги бежать, все замедляя и замедляя бег. Создавалась ощущение,

что бежит не по дороге, а по облакам, таким мягким и пушистым, щекочущим пятки. Пыль постепенно стала рассеиваться, и смеющийся отец стал хорошо виден и даже был совсем близко. Отец умел как-то так улыбаться и смеяться, что никто не мог остаться равнодушным, тоже обязательно начинал улыбаться. Наум все замедлял и замедлял свой шаг, и тоже начал улыбаться в ответ. Отец остановился, опустил на землю косу, которая была у него на плече, видимо шел с утра пораньше на покос, и, вытянув вперед руки, подхватил подбежавшего Наумку. Сильные руки подкидывали вверх так высоко, что мальчишке казалось, что он задевает головой белые облака, а потом вновь его ловили, такие теплые и родные...

Кукушка пела свою незамысловатую песню. Ее громкое «ку-ку» сливалось в единое целое, и казалось, что это не она кричит, а весь лес, пел эту песню своим многоголосьем. Нужно было просыпаться, но такой добрый и яркий сон, никак не хотел отпускать Наума. И под мерное кукование леса, он вновь погрузился в него.

Но это было уже не продолжение того сна, а совсем другой сон. Ему опять приснилась дорога, но дорога уже была другая. Вязкая грязь мешала идти. Куда он шел, он сам даже не понял, да и не понял даже, что идет это он. Только очень четко ощущал противную липкую грязь, которая старалась засосать, затянуть глубже его ноги. Холода он не чувствовал, но почему-то зябкая дрожь то и дело пробегала по всему телу, и отдавала куда то под ребра. Потом он стал замечать, что вытаскиваемые из грязи ноги кровоточат, заполняя оставленные ямки от следа, полные крови...

Кукушка вновь его разбудила. Он и сам был уже рад этому пробуждению, наконец-то осознав, что это был сон. Наум сел, огляделся кругом. Недалеко от потухшего костра безмятежно спали мужики. Было раннее утро, и по-хорошему, можно было еще поспать, чтобы набравшись сил, преодолеть последний переход. Туман, как мягким покрывалом, окутал лес. И видимо от него, по телу и пробегал мелкий озноб. Наум разгреб палкой костер, и, убедившись в том, что там есть еще немного не потухших углей, содрал с одной из веток бересты, бросил ее на угольки и стал ломать мелкие хворостинки. «Замерз, наверное, - подумал Наум, - вот и приснилась всякая чертовщина». Он немного подул на угли, ожидая, когда маленькие язычки пламени лениво начнут лизать края бересты, закручивая в спираль, а потом, все сильнее и сильнее обхватив ее всю своим ненасытным чревом, начнут расправляться с ней. Он смотрел на оживающий огонь и, подбрасывая мелкий хворост, все думал о сне. «Приснится же такое, - про себя подумал он, - да точно, замерз просто, а ноги, ... а что ноги, ноги то конечно болят. Четыре месяца уже пришлось идти, пятый уж на исходе. Сколько-то удавалось проехать? Редко когда нагоняя нас, кто-то вызывался хоть немного да подвезти, а так все пешком.»

Подбрасывая дрова в разгорающийся костер и глядя на огонь, он мысленно представил своих ребятишек, сонно потягивающихся с утра. Явно увидел, как Панюша, так ласково он называл свою жену, утром расчесывает длинные волосы, и, заплетя их в две большущие косы, обвивает вокруг головы и

ворчит: - Нет, точно остригу! Она так всегда говорила, но стричь не решалась, да и Наум очень любил гладить эти шелковистые русые волосы. Как-то спокойно на душе становилось у него, когда он их трогал, ласково, нежно...

Кукушка вдруг, как будто подавившись, вместо своего привычного «ку-ку», стала истошно кричать «куку-ку, куку-куку».

- Что, горемыка, - обратился Наум к птице, которая пела и не смолкала, - тоже волнуешься? Вот и я, волнуюсь. Остался один день пути, до Зырянки. Так, как заря, почему-то называется место, куда нас отправили губернские управленцы. Сказали, что, мол, места богатые. И рыба всякая водится, и земля вдоволь, и ягод да грибов в лесу, что звезд на небе. А что, если обманули? А дома жена Панюша, да три сына Захар, Игнат и Матвей остались, хозяйство, тяжело им.... Скажи птица божия, верно ли я поступил, верно ли дорогу выбрал.

Кукушка, словно и впрямь, послушала человека, на секунду затихла, а затем четко прокуковала свое привычно «ку-ку».

- Спасибо, птаха, и тебе удачи! – весело сказал Наум.

- С кем ты там все разговоры говоришь? – сонным голосом проворчал Аникей. – Поспал бы еще. Аль не спится?

- Не спится... - со вздохом сказал Наум, - ну ты подремли пока чуток, а я пока чаек вскипячу. Попьем, да двинем далее. Идти вроде недолго осталось, верст тридцать всего.

Но Аникей его уже не слышал, вновь захрапел.

Наум взял котелок и стал спускаться к реке, на берегу которой они остановились на ночлег. Туман к реке был еще гуще. Казалось, что это густое вязкое существо, развалилось и нежится на земле, лениво поворачиваясь, от чего местами туман был слабее, а местами гуще. Наум пробрался сквозь него и густую траву к реке.

Берег был песчаный, из мелкого песчаника. Это было удивительно. У них, на орловщине, берега в основном, илистые, поросшие камышом, течение медленное. А на рязанской стороне их речка Паника, то течет, то пропадает, оставив вместо себя только каменные капли, а пройдешь по ним немного, а она вдруг опять бежит. Но весь берег и русло устлано камнями, а здесь песок, да мелкий такой.

Наум остановился, взял горсть песка, и внимательно рассматривая ее, заметил, что не весь песок ровный, есть и большие камешки, есть и мелкие совсем, блестящие. Одни белые, другие желтые, а есть и темноватые такие.

- Вот смотри-ка, вроде что это - песок, а приглядишься, так не прост он. Разный, как люди, каждый со своим нравом, цветом. И лежит он здесь. Не там, у нас на Рязанщине, в Россее, а здесь, в далекой Сибири, на какой-то речке, и знать надо так, видимо здесь он нужнее. Эх-хе-хе-хе-хе-хе-хех!

Это его долгое «э-хе-хех» казалось, вместило в себя все сомнения, страхи, тяготы дороги, переживания за семью и еще много чего, что и высказать порой словами то и нельзя. Остается только это «э-хе-хех».

Оказавшись рядом с рекой, Наум остановился, зашел босыми ногами в воду, ощутив ее прохладную свежесть. И вдруг ему захотелось, всему окунуться. Он вернулся на берег, и быстро стаскивая с себя рубаху и портки, приговаривал:

- Вот и смою сейчас дурной сон. Пусть его вода унесет.

С этими словами он стал плескаться, натирая тело мелким песком, а потом, подставив его течению, давал реке смыть и унести куда-то вдаль мелкие песчинки. Вода, сразу показавшаяся холодной, теперь уже была теплой и мягкой. Наум стал пригоршнями пить эту воду. Такой она показалась ему вкусной, даже сластила на губах немного.

- Что же это за речка такая?- громко крикнул Наум. Его голос, пробираясь сквозь туман, где-то далеко отозвался эхом: - Ая! Ая! Ая!

Прямо на противоположном берегу громко застрекотала сорока, и, слетая с макушки высокой сосны, полетела через реку в сторону Наума, который уже собирался выходить из воды, как вдруг четко почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Осматривая противоположный берег, он увидел в зарослях молодых сосенок медведя. Это был крупный темно-бурый медведь. Видимо старый хозяин этих мест. Он стоял и внимательно смотрел на человека. И человек, стоял голый, по пояс в воде и тоже пристально смотрел на зверя. Ни тот, ни другой не шевелились, а, только сцепившись глазами, вели беззвучную схватку между собой.

Глава 4.

Контра.

Резко распахнувшаяся настежь воротина отбросила в сторону Анну Степановну, больно ударив щеколдой по руке. Резкий удар света от лампы летучая мышь на короткое мгновение ослепил ее, и она не увидела, а только почувствовала, как жесткая сильная рука резко схватила ее за горло.

- Что, контра, долго не открывала, золотишко прятала? – резко прямо в лицо ей прокричал перегарный голос.

В этот самый момент, Кукла, рвавшая на цепи, видимо как - то сумела высвободиться и в одно мгновение оказалась рядом. Анна Степановна не видела, как молниеносно собака бросилась на того, кто держал ее за горло, а другой рукой светил фонарем в лицо.

Громкий вопль, похожий на нечеловеческий рык, раздался рядом, и в тоже мгновение цепкая рука отпустила горло. Откашливаясь, Анна Степановна увидела, как тот, что кричал, пытался стряхнуть вцепившуюся в руку собаку, как бросил из второй руки фонарь и шарил в кармане полушубка.

Крики, мужские голоса, грохот ворот, которые кто-то спешно открывал, все это вдруг резко оборвалось, когда прозвучал выстрел. Анне Степановне

показалось, что выстрелили в нее, но резкий визг Куклы, наконец выпустившей обидчика, и забившейся недалеко от нее, вдруг больно кольнул где-то в середине груди...

Маленький серый комочек Куклу, отец Степан Кониин привез домой в Зырянку, после того, как однажды по зиме ездил навестить своих родных в село Шиняево. Погостив несколько дней у брата с невесткой, потешавшись с маленькими племянниками Петром и Мишаткой, от души радовавшихся приезду крестного, оставив гостинцы и загрузив ответные подарки домой его дочерям Анне и Татьяне, тронулся ранним утром в обратную дорогу. За пазухой его тулупа сидел маленький щенок, молчаливо смотревший на нового хозяина.

Не часто удавалось видеться братьям. Пятьдесят верст в один конец разделяли некогда неразлучных Степана и Ивана. Родились они в один морозный день, который выпадает раз в четыре года. Только Степан появился на свет на пять минут раньше, и поэтому всегда считал себя за старшего и всячески оберегал брата.

Они и женились то в один день. Младший брат Иван женившись, на шиняевской же черноволосой красавице Наталье, остался в доме отца, переселенца с Орловской губернии. Степан же взял в жены высокую, светловолосую певунью Дарью из Зырянки и переехал к ней в родительский дом. Старики, родители Дарьи были уже людьми пожилыми, и не захотели отпускать любимицу от себя. Старшие сестры давно уже были замужем и только изредка навещали родителей. Дарья же была последняя из четырех сестер, появившаяся на свет, когда обоим родителям было уже за пятьдесят. Любили и холили старики свою Дарьюшку, и никак не хотели с ней расставаться, не давали своего родительского благословения, сколь ни сватались к ней. Да и Дарья больно-то не рвалась замуж, пела только своим звонким голосом, сводя с ума. А вот со Степаном, как-то сразу сладилось у них. Встретились на покров на ярмарке, взглянули друг на друга, и будто лучик солнечный засветился у обоих в душе где-то. Степан не стал мешкать, спросил парней зырянских, чья, мол, такая, да замужем ли или нет. По годам-то вроде, как и замужем бы должна быть, но не хотелось в это верить. А как услышал, что всем отказывает, ни за кого не идет, так тут же, на ярмарке купил бусы и прямо к ней подошел.

- Здравствуй, солнце ясное! Согласна ль ты мне светить всю жизнь? – и протянул с этими словами бусы.

Дарья растерялась сразу от напора такого, зарделась, глаза опустила, но не надолго. Быстро с собой справилась и так же открыто, с вызовом спросила:

- А не погасишь?

- Ветру дунуть не дам.

- Что ж, коли так, присылай сватов. Сумел меня сговорить, теперь сумеешь тятю с мамкой уговорить,- сказала и пошла.

И тут он первый раз услышал, как она поет. Она подошла к стоявшей неподалеку девушке, внимательно наблюдавшей за их со Степаном разговором, взяла ее под руку и запела...

Анна Степановна очнувшись, поняла, что она воет. Воет, как раненная волчица, воет над погибшим выводком. Она стояла на коленях перед Куклой и выла. По двору сновали какие-то люди, заводили лошадей, о чем-то громко переговариваясь. Но она не слышала их, как будто в один миг она разучилась понимать человеческую речь, а остался в ней только этот звериный вой. Кровь из пробитой собачьей груди уже почти перестала хлестать, только шла пеной через открытую пасть. Кукла хрипела этой пеной и смотрела в глаза Анне Степановне, словно извиняясь перед ней за все то, что предстоит испытать этой женщине, за все то, от чего она ее не смогла и теперь уже не сможет защитить.

- Кукла, Кукла, - хриплым, чужим голосом она заговорила и поглаживала руками умирающее тело собаки.

- Звери! Какие же вы звери!- вдруг закричала она, - вскочила, и не понятно, откуда взялась сила, только она вдруг с одного маху, резко выдернула ту жердь из скобы, которую еще несколько минут назад она никак не могла сдвинуть с места. И играючи, как будто у нее в руках была не тяжелая трехметровая жердь, а маленький прутик, вдруг размахнулась ей, занесла над головой и, не разбирая стала крутить им разные стороны. Растрепавшиеся волосы давно вылезли из-под платка, перекошенное от злобы лицо, не дюжая сила хрупкой женщины, да и тяжелая увесистая жердина заставили всех не прошеных гостей отскочить в разные стороны. А она, размахивая жердью кричала:

- А ну пошли вон, с моего двора! Звери! Нет! Вы не звери, вы хуже! Вороны! Падальщики! Вон отсюда!

Выстрел опять прогремел неожиданно. Анна Степановна вдруг как-то сразу обмякла, руки стали ватными и жердь с грохотом выпала из них.

-Ну, ты, сука, угомонись! – громко орал тот, кто застрелил Куклу. – А не то ляжешь рядом со своей псиной. – И снова выстрелил в воздух.

- Ах ты, контра недобитая! - заорал тот, на кого кинулась собака, защищая хозяйку, - Ведьма, поганая! – он подскочил к ней, отшвырнул подальше жердину, и со всего маху ударил Анну кулаком в лицо.

Именно в этот момент Анна Степановна вспомнила, кому принадлежал показавшийся знакомым голос. Да это же Федька Рыжий, так его звали все в округе, в родной Зырянке. Он жил неподалеку от родительского дома, был чуть по - младше Анны. Она вспомнила всю их семью, где было много вечно грязных ребятишек, то ли шесть, то семь. Все они были рыжие, с бесцветными ресницами и бровями, но за то с такими яркими веснушками на лице, как будто кто взял горсть льняного семени, да и высыпал им на лица. Вспомнила его родителей, отца, пьяненького каждый день уже с утра и сварливую, вечно чем-то недовольную его мать, которую все так и звали - Скандалиха. Фамилия у них была Сандаловы, но за шумливый нрав их матери, так и прилипло прозвище. И всех детей звали не иначе, как скандалихины рыжики. Жили они бедно, сам Сандалов промышлял тем, что иногда брался подшивать валенки, да плел бичи. Из-за бичей и произошла когда-то давно ссора у Анны с Федькой.

Младшая сестра Анны, Татьяна была по годам ровня с Федькой Сандаловым. Часто они играли все вместе на полянке, неподалеку от дома. И вот однажды, Федька стащил у отца новенький бич, сплетенный накануне вечером, и ожидающий своей участи быть проданным или пропитым, одиноко висящий на гвозде над их крыльцом. Вынесенный на улицу, бич стал предметом гордости Федьки. Высоко взлетая над головой, он со свистом рассекал воздух, замирал на какое-то мгновение, а затем издавал оглушительный щелчок.

Вся ребятня с ближайших домов с завистью смотрела на Федьку, так мастерски владеющего бичом. Каждому из них тоже хотелось так научиться щелкать бичом. Но Федька никому не давал бича, нарочно дразня всех. Татьяна была в гуще всей ребятни и тоже просила со всеми:

- Федь, а Федь! Ну, дай, хоть потрогать!- кричали ребяташки и бежали вслед за Федькой, поднимая в воздух клубы придорожной пыли.

А тот, отбежав на какое-то расстояние, останавливался, вновь взмахивал бичом, щелкал и бежал дальше. Сколько бы это длилось, не известно, если бы не вышла за ворота Анна, чтобы забрать сестру.

- Тата!- крикнула Анна, - Тата!

Татьяна, услышала сестру и побежала к ней.

- Нюра! Нюра! А у Федьки бич новенький! Слышишь, как щелкает? Я его просила дать хотя бы посмотреть, а он не дает. Попроси ты его, ты большая, тебя он послушает. Ну, Нюра!- упрашивала сестренка.

Но Анна понаблюдала за хвастовством Федьки и вдруг резко сказала:

- Нет! Не буду я его просить, он все равно не даст. Да и некогда нам, масло пора идти домой сбивать. Скоро родители с покоса вернутся. Пошли!- сказала и повернулась, чтобы идти во двор.

Но Федька оказывается, все слышал. Резко взлетел бич в воздух, пролетел совсем рядом. Анна остановилась и сказала:

- Ты озоруй, да меру знай! Не ровен час, кого из детей заденешь.

- Ну и задену, - с вызовом крикнул Федька, - ты мне не указ!

Взвившаяся в воздух сыромятная бечева описала свой положенный круг и вдруг резко, как ножом или кипятком охватила Аннину ногу чуть выше щиколотки. От неожиданности, Анна вскрикнула и схватилась на ногу. Сквозь крепко сжатые пальцы просачивалась кровь.

Увидев кровь на ноге у сестры, Татьяна заревела в голос и бросилась к Анне, которая держала руку на ране.

Федька захохотал в голос.

- Что, выкусили? Знать будите, как мне указывать!- гордо прокричал он и, отвернувшись от сестер, вновь начал щелкать бичом.

Наблюдавшая за всем ребятня опешила. Уже никто не бежал за Федькой и не канючил у него пощелкать или хотя бы посмотреть бича.

Анна распрямилась, посмотрела вслед Федьке, и только что и сказала:

- Сам, ты себя накажешь!

Вроде и не громко сказала, да только все слышали, даже Федька. Резко развернувшись, он вновь замахнулся, чтобы ударить Анну, но что-то пошло

не так, и послушная доселе бечева, описав круг, сделала какую-то дополнительную извилину в воздухе и, положенный щелчок пришелся как раз по Федькиному лицу, рассекая его по диагонали...

Кровь из разбитого носа хлынула ручьем. Анна Степановна зажала нос рукой и в голове пронеслись события из детства. До боли знакомая картина. Она выпрямилась, отерла кровь со щеки и как тогда, двадцать лет назад только и сказала:

- Сам! Сам, ты себя накажешь!

Тяжелая, мужская рука, в очередной раз не дрогнула, а что есть мочи, пыталась защититься от нее слов, нанося удары за ударами. Но Анна не чувствовала боли. Она уже ничего не чувствовала падая рядом с телом своей любимой собаки.